

Вторая глава. Хочется верить.

На подходе к деревне Остахан размышлял о том, как представится местным и чем будет заниматься на этот раз. За время странствий он чаще всего примерял на себя роль целителя, хоть он и не признавал сам себя настоящим целителем, но знал и умел в этом деле действительно много. Иногда он представлялся бардом, пел правда отвратно, зато легенд и сказаний знал предостаточно и вполне сносно играл на свирели. Реже всего Остахан представлялся торговцем продающим безделушки, в основном обереги, которые он мастерил своими руками.

Так как ни звание целителя, ни роль барда не мешали ему торговать, то торговцем он представлялся лишь тогда, когда ему наскучивали первые два занятия. На простого торговца не было спроса в отличие от целителя, дети не докучали ему просьбами рассказывать сказки в отличие от барда. Для торговца все просто, находились покупатели - хорошо, не находились - не беда. Путник вовсе не бедствовал и мог бы пройти путь ничем не занимаясь и ни о чем не задумываясь. Но в таком случае его бы одолела скука. Остахан любит добрый труд, что приносит людям пользу.

В деревне Торка, в которой он останавливался в прошлый раз, Остахан был целителем и много усилий потратил на исцеление тяжелых больных. Кстати припомнил он, кажется среди бандитов был родственник одного из исцеленных, а может и нет - уже не мог вспомнить путник. За все время странствий он повидал столько больных, столько их родичей, множество лиц и имен, всех не вспомнишь, а тех что вспомнишь обязательно перепутаешь. На этот раз желания заниматься целительством у него не было, да и охоты представиться бардом тоже. Остахану хотелось отдохнуть, и он решил в этот раз представиться торговцем.

Войдя в деревню первым делом он собирался наведаться к старосте, а чтобы найти его дом расспрашивал местных. Первой ему попала бабка из ветхого домика на окраине и до того злая и противная она была, что Остахан с ней чуть не поругался, но пересилил себя, она того не стоила. Путник пошел к следующей хате, а от нее сразу к старосте, так как на второй раз ему встретились люди приятные и приветливые.

Староста принял путника без особой радости, но вполне гостеприимно. У старосты же Остахан и остался на постой. Упросил старосту растопить баню, а его жену - постирать белье, и платил им монетой. А ближе к закату, в свежем белье и расслабленный после баньки, Остахан сидя на крыльце курил трубку и любовался заходом солнца. Жена старосты окликнула путника, и вместе со старостой и его семьей Остахан разделил трапезу. В трапезное время к старосте с просьбой заглянула женщина, совершенно вымотанная и бледная. Жена старосты вручила ей кусочек свежего каравая и баночку барсучьего жира. Женщина ушла, а жена старосты запричитала:

-Ой, бедная Марья, бедняжечка. Такая беда у ней, а за что? Девушка правая, ни грешна, ни зла на язык. Ох помоги же Всетворец, дай волю, так все справно выйдет.

А Остахану стало интересно:

-Какая у нее беда?

Ответил староста.

-Дите больное, оба дитя. Сильно хворают. А Марья одна, без мужа, уж третье лето. Того змий ползучий загубил.

-Тяжела судьба ее - согласился путник, и немного подумав спросил - чем дети болеют?

-Знамо, чем - Красноломицей.

Остахан цыкнул и недовольно скривил лицо. От болезни, которую в народе называют «Красноломицей» умирают девять из десяти, дети особенно часто. Но наверное, думал он, так будет лучше - тяжело одной женщине с двумя детьми выжить в деревне. С другой стороны это же дети, разве может он допустить их смерти. Но путник зарекся не лечить местных, когда торговцем называется, иначе не отдохнуть и не восполнить силы. А всех на свете спасти нельзя.

«Даст Всетворец сберегутся ее детей» - подумал Остахан. Женщина, не смотря на изнуренность, показалась путнику еще вполне молодой и складной - «И муж для такой жены легко отыскаться сумеет» - новая мысль посетила его - «А детей все же жалко... Ах! К черту все! Стыдно будет если не помогу».

Остахан попросил старосту показать хату вдовы, захотел на хворых детей посмотреть. Пришлось сказать, на свою беду, что «немного» смыслит в целительстве. Сын старосты проводил путника к вдовьей хате. Домишко был добротный, заметно было, что за ним следят, ухаживают и чинят или хотя бы пытаются чинить, но получается не очень хорошо. Тоже и с коровником рядом и с курятником - большое хозяйство имелось у вдовы. Остахан постучал, отворила ему все та же измученная женщина.

Она была крепка, как и все деревенские бабы, но в сравнении с теми же бабами худа, хоть и не тощая. Глаза, выражавшие легкое замешательство, омрачала краснота и темные мешки, сухие губы совершенно не красили ее лица, как и признаки первых морщинок. Ее плечи сжимались словно у загнанного в угол зверька.

Лишь отворилась дверь путник почувствовал спертый горячий воздух. В летнюю пору даже в вечернее время было очень тепло, но женщина удерживала в помещении полуденную жару стремясь превратить дом в подобие парилки. Очевидно детям стало холодно, их лихорадит.

-Кто вы?

-Мое имя Остахан. Ты вдова Марья?

-Д...да

-Марья, я целитель. Мне сказали, что твои дети больны Красноломицей. Позволишь на них взглянуть?

-О...ой! Вы целитель, да. Да! Конечно! Входите!

В хате было действительно душно, и это нехорошо. Даже не успев взглянуть на детей Остахан приказал женщине открыть все окна и ставни и отворить настежь дверь, чтобы хата наполнилась свежим воздухом. Не без колебания она стала исполнять приказ целителя. Тем временем мужчина подошел к печи, дети лежали на ней, укрытые двумя одеялами. Печь не горела, но была теплой. Мальчик постарше весь в поту слегка приоткрыв глаза рассматривал незнакомца, а девочка рядом с ним металась в бреду без сознания. От них несло барсучьим жиром - неподходящее средство, для неподходящей болезни.

В доме горели две тусклые свечки, одна рядом с детьми, вторая у иконок Всетворца - слишком мало света для работы. Остахан вознес руку над свечой, другую приложил сверху и про

скользя пальцами по рунным лентам на запястье указывал на нужные символы. Он произнес «Галь-энал-мюй-эль энг Оваль-рал» - из пламени свечи выплыл маленький огонек, увеличившись он вспыхнул, потом сжался, замер и засиял распуская вокруг лучи света подобно солнечным. Путник вскинул руку вверх, светлячок последовал за ней и остановившись под потолком замер на месте. Женщина что-то уронила, и изумленно-очарованно уставилась на светлячка. Ее глаза быстро устали от света, и отвернувшись Марья моргнула несколько и стала следить за действиями целителя. Она была встревожена и в тоже время восхищена.

Хата стала наполняться свежим воздухом, что хорошо - свежесть и чистота укрепляют человека, а крепкий человек побеждает болезнь. Мужчина сразу же сбросил с детей одно из одеял, второе опустил по пояс, и начал осмотр: приложил ухо к груди, ощупал шею под ушами и подбородком, заглядывал в рот и рассматривал зрачки. Затем достал из подсумка чудной предмет состоящий из трех стекол на общей металлической основе, которая позволяла сдвигать и раздвигать стекла так, чтобы можно было смотреть сквозь одно отдельное или сквозь все стекла разом. Он был назван Трезокулосом[1], Остахан соорудил его собственными руками. Мужчина осмотрел детей с помощью одного, а затем двух из трех окуляров.

Красноломица была только у девочки, мальчик застудил горло, ему барсучий жир пожалуй поможет. Остахан приказал женщине переложить мальчика на отдельную лежанку, смазать жиром горло, спину и грудь, и напоить отваром. Травы для отвара он дал ей свои, отыскав их в одном из подсумков. Недолго подумав, он попросил ее сделать второй отвар и вручил ей листья уже другого растения. Марья убежала к соседке за кипятком.

На шею девочки Остахан надел оберег, затем взял книгу, что висела вместо сумки. Щелкнула застежка, книга распахнулась, страницы шелестели переворачиваясь сами собой и замерли остановившись именно там, где были записаны нужные чары. Мужчина отложил книгу в сторону так, чтобы было видно текст, и стал читать длинное заклинание, скользя пальцами правой руки по рунным лентам левой руки, а пальцами левой - по рунным лентам правой. В нужные моменты он прижимал палец к нужному символу, как уже делал это создавая светлячка. Завершив чтение он приложил руки ко лбу и к груди девочки. Бывшаяся в бреду малышка замерла, глубоко вздохнула и продолжила дышать свободно.

Быстро возвратившаяся и увидевшая завершение ритуала мать упала на колени и принялась молиться Всетворцу а после благодарить и целовать руки Остахану:

-Яко же чудо вы совершили господин Остахан. Ясно как Всетворец милостивый ниспослал на мое горе святого духа.

Мужчина отстранился от поцелуев и, взяв женщину за руки, аккуратно поднял с колен.

-Видимо правда по воле Всетворца случилось так, что я оказался у вашего дома. - спокойно отвечал он и добродушно улыбался - Не стоит мне кланяться, я вовсе не святой. Мне лишь ведомы некоторые тайны волшебства, и благодаря волшебству я облегчил участь вашей дочери. Болезнь все еще одолевает ее, но у меня получило придать девочке сил, это ослабляет страдания и дает нам время. Но она должна побороть болезнь сама. Я ей помогу это сделать и Всетворец поможет, будь на то его воля. Но это уже завтра, сейчас ей нужен отдых. И я справлюсь лучше если силы восстановлю.

-Как вам надобно так и поступайте. Вашей мудростью моя дочка здороветь стала, я и просить, и молить о большем не могу и не смею. Как вы, господин Остахан, скажете, так то и случится.

-Я вовсе не господин, и Марья... Можешь звать меня просто - Хан, так зовут меня друзья -

мужчина приветливо улыбнулся и даже слегка смутился, но тут же стал серьезен и припомнил – Теперь нам следует напоить отваром твоего сына, пока он не уснул. Едва не забыли об этом. Как зовут мальчика?

-Илко

-Доброе имя...

Первый отвар Илкой был выпит, а второй отвар Мужчина попросил разлить на две кружки, одну взял себе, а вторую упросил выпить Марью. Напиток ей пришелся по вкусу. Пока пили Остахан расспрашивал ее о детях, о деревенской жизни, в чем-то он ей посочувствовал, в чем-то поддержал радость, дал пару советов и не упустил случая рассказать коротенькую бардовскую притчу. Душевно посидели. Марья воодушевилась, ее лицо прояснилось, в глазах поселились надежда и уверенность.

Решив не засиживаться надолго Остахан распрощался, наказав Марье не укутывать детей в одеяла, и выспаться как следует ей самой, а так же пообещал возвратиться утром. Ночевать он отправился в дом старосты.

На утро, возвратившись к дому вдовы, Остахан застал Марью хлопотавшей по хозяйству. В лице и всем ее образе случилось преобразование – мешки под глазами почти исчезли, наполненные здоровой бодростью глаза, внимательные и добрые, пылали жаждой деятельности, а стан ее выпрямился и более не казалась она загнанной в угол. Мужчина изумился тому, как мог он вчера не заметить, как стройно она сложена и как красивы ее чувственные губы.

Дочь Марьи, ее имя Танюра, теперь вовсе не казалась больной и бегала по пятам за мамой напрашиваясь ей в помощницы. Сын Илко не был столь же бодрым, сидя на кровати он кушал кашу без аппетита медленно перемещая ложку от тарелки ко рту. Заприметив вошедшего в хату незнакомца девочка охнула испугавшись и спряталась за маминой юбкой.

-О Хан, вы пришли – обрадовалась Марья и бросив все хлопоты быстро подошла к нему сцепляя руки в замок у груди – как же я вас ждала. Вы... вы уже завтракали? Я вас накормлю, прошу, прошу сюда – Остахан не успел ни возразить, ни согласиться, как она ухватила его за руки и усадила за стол – каравай свеж, только-только испекла, яйца вот-вот сварятся, вот помидорчики и огурчики, редис и лучок, ни в чем себе не отказывайте. А сейчас я вам молока налью, едва-едва из-под Милки. А желаете ли кашу?

Мужчине было приятно, он действительно был голоден. От каши правда отказался и поставил условие, что сама Марья и ее дети тоже должны присесть и спокойно покушать, и чтобы каждый обязательно съел по три стебля лука. Илко не любил лук и очень капризничал, но Марья его заставила. Танюра все боялась попадаться незнакомцу на глаза. Тогда Остахан, съев два яйца с овощами и луком и осушив стакан молока наполовину, взял свирель и сыграл простенькую мелодию, которую, как он заметил, любят дети. Прятаться девочка не перестала, но зато теперь улыбалась и бросала на незнакомца робкие и любопытные взгляды.

Закончив завтракать Остахан взял из своих запасов мазь и, так как Танюра по-прежнему его побаивалась, а вернее стеснялась, поручил Марье натереть девочке спину. Сам целитель сделал несложный отвар и научил Илко поласкать горло этим отваром. А затем приказал всем выйти во двор и греться на солнышке. Марья пошла хлопотать в коровнике, дети вдвоем заняли лавочку у крыльца, а Остахан отойдя к оградке и облокотившись о нее раскурил трубку. Но не

успел он еще насладиться вкусом табака, как явились деревенские, прознавшие, что деревушку посетил знахарь. Дав Марье несколько наставлений о том как лечить детей, Остахан отправился осматривать других несчастных, хворых и страдающих.

Утро у знахаря выдалось довольно хлопотным. Не настолько, как он опасался, и все же потрудиться пришлось. Особенно тяжело было с ушедшей бабкой, что встретила ему при входе в деревню. И даже не смотря на тысячу ее болячек, с которыми собственно не живут и которые по большей части мнимы, тяжким было не целительство как таковое, а общение со старушкой. А ее удивительная перемена, от крайней сварливости при первой встрече, до неисчерпаемого дружелюбия при второй, не помешала ей вести упорный и долгий торг за цену лечения. Но сторговаться у нее не получилось, целитель перехитрил и в наказание за жадность спросил с бабки тройную плату. Правда в конце концов он пожалел старушку и взял только одну треть от запрошенного, так как именно столько и причиталось ему за такую работу.

Намного больше пришлось бы трудиться если бы Остахан принял бы еще и за лечение домашней скотины, однако он полностью отказался от этого дела, дав лишь несколько ценных советов. Только лишь кучке детей он не смог отказать и залечил котенку раненую лапку, так как умел излечивать некоторые раны.

К полудню Остахан возвратился в дом Марьи. Женщина готовилась кормить детей, снова каша и утренний каравай. Мальчишка дремал, а девочка все крутилась возле мамы, и вдруг совершенно перестала стесняться Остахана, словно набравшись смелости за минувшую половину дня. Она даже поприветствовала его помахав ручкой.

Марья ровно так же, как и утром пригласила Остахана обедать. Он согласился, при условии, что сперва осмотрит детей, чем тут же и занялся. Состоянием мальчишки он был доволен, тот свою хворь одолевал. А вот девочка, не смотря на видимую бодрость, по его словам «плохо сопротивляется заразе». Остахан попросил девочку вернуть оберег, но Танюра не захотела, потому что дощечка с узорами была красивой и нравилась ей. Тогда целитель предложил ей обменяться на такой же только красивее, украшенный перышками. Но девочка снова не захотела, сказав, что чувствует тепло на душе когда прижимает его к сердцу. Тогда Остахан предложил ей прижать к сердцу новый оберег и посмотреть какой из них греет лучше. Танюра решила попробовать, и прижав к сердцу новый оберег, тут же согласилась на обмен.

Теперь Остахан приказал всем сесть за стол и как следует подкрепиться. Но у Илко не было аппетита, а Танюре не нравилась каша. Тогда целитель сказал:

-Раз уж кушать простую кашу у нас не получается, тогда мы попробуем волшебную. Что скажете дети, будите пробовать волшебную кашу?

-А волшебная каша это как? – спросил мальчик.

-А так Илко, что волшебная каша во всем лучше обычной каши.

-Она вкуснее?

-И вкуснее, и ароматнее, и сытнее. Наевшись досыта волшебной каши так сил набираешься, что можешь потом весь день и бегать, и прыгать и не на капельку не устанешь и силы ни капельку не растеряешь. И слабый вмиг сильным станет, дурак за думы возьмется и поумнеет, хромой таковой каши отведаст и вмиг хромать перестанет, а больной – болезнь одолеет.

-И на соплях волшебная каша совсем не похожа? – поинтересовалась девочка.

-Ам... - Остахан оказался озадачен таким вопросом, но не растерялся - тут уж как посмотреть Танюра, на вид волшебная каша, точь-в-точь как обычная, но вкус и аромат у нее такие чудесные, что думать не захочется ни о каких соплях. А зачем же я рассказываю, сейчас сами все увидите.

Остахан достал из подсумка набор порошков и сушеных трав, смешал некоторые из них и кинул каждому в тарелку по три щепотки, велел перемешать, а когда все закончили перемешивать он громко произнес «Алахай-Лахамай!»[2] и хлопнул в ладоши.

-Вот наша каша стала волшебной, а поблагодарить за это следует вашу матушку, за то, что готовит она для вас всегда с любовью. Без ее любви никакого волшебства у меня бы не получилось. А теперь чем больше ложек будет съедено, тем сильнее станут юноши и красивее будут девицы. От Всетворца к этому столу всех благ всем нам.

Мужчина принялся за еду с большим рвением. Марья и дети распробовав кашу, не постеснялись восхищенных вздохов и последовали примеру Остахана. Они хвалили кашу, дивились ее вкусом и опустошили тарелки в два счета. Даже Танюра больше ни разу о соплях не жаловалась. Вот так вот каша была съедена, наделив всех небывалой силой и здоровьем. И это совершенно без волшебства. Остахан знал, как наполнить ее вкусом, а волшебной кашу сделали, и все же мы остановимся на том, что она волшебная, волшебной ее сделали вера детей и любовь матери. А большего и не нужно.

Отобедав Остахан выгнал всех ненадолго на свежий воздух, а после возвратил в дом приказав детям отдыхать, и особенно Танюре. Он строго-настрого запретил ей вставать с кровати и бегать за матерью, так как бодрости ее не было предела, но бодрость эта нужна была, чтобы «Красноломицу» побороть, только для этого и не для чего бы то ни было еще. А когда Марья попыталась укутать детей в одеяла, Остахан ее остановил сказав:

-Илко укутай, а Танюру оставь, Красноломица любит тепло и убивает жаром.

-Ой раз так, может ее холодом обдать, неподалеку тут есть ручей, ключевая вода в нем и в летнюю пору холодна...

-Нет, холод хворь не изгонит, а девочку ослабит. Красноломица Танюрино тепло себе заберет. Нам нужно лишь поддерживать Танюру и ждать. Жизнь свое возьмет.

Дети отдыхали в доме. Остахан устроился на лавочке у крыльца и курил, наблюдая за тем, как Марья трудится на своем дворе. А она по огороду хозяйничает, скотину обхаживает и порядки везде наводит. Смотрит Остахан и думает «Сколько же у нее трудов и дел, что целый день так крутится приходится, и детей двое требующих еды и заботы, а еще она работу в полях пропускает из-за детской болезни. Столько всего навалилось на несчастную девушку, но она не сдается. Как же стойко она переносит невзгоды, до чего же крепка ее воля и могуча душа. По-настоящему сильная женщина. А ведь она же еще так молода. Молода и даже хороша, очень хороша... И как же я могу тут просто так сидеть, отдыхать, пока она работает? Не по мужски будет. А чем же ей помочь?» - Остахан обвел взглядом двор и остановился на дровянике, он был заполнен лишь на одну четверть, а рядом валялась куча чурок - «Пора размяться».

Мужчина нашел топор, подкатил пень для рубки поближе к дровянику и принялся колоть чурок на поленья. Проработав топором совсем недолго, он начал потеть и понял, что стоит снять рубаху, а заодно и размотать ленты на локтях и запястьях. Раздевшись он продолжил. Через несколько мгновений к нему подбежала взволнованная Марья:

-Господин Хан! Господин Хан, что вы делаете? Право не стоит вам для меня трудиться. Я

справляюсь. А с этим – она кивнула на чурки – мне соседи помогают. Мы селом дружно живем.

Остахан остановился, воткнул топор в пенек и гляну на свои руки стал разминать пальцы и крутить кистями. Марья тоже невольно посмотрела на руки Остахана и ее взгляд зацепился за ужасные рваные шрамы вокруг запястий. Увечья напугали женщину, а мужчина заметил это и рассмеялся. Рассмеялся весело, но и немного смущенно. Он приподнял руки на уровень глаз Марьи и показал ей ладони, на которых едва-едва стали проявляться признаки первых мозолей, однако кожа была совершенно гладкой и нежной, какая бывает у людей никогда не бравших в руки ни мотыги, ни топора, ни меча. Внимание женщины по-прежнему было приковано к шрамам, но Остахан игнорировал это и объяснять ничего не стремился, а заговорил о колке дров.

-Не волнуйся Марья, работать полезно. Силу рук укрепляю.

-Но я же... как же... вы же... Вы не обязаны. Хан, вам не нужно.

-Правда, не нужно. Но я так захотел, а раз хочу – буду делать. Мне нравится трудиться. Соседи пусть помогают в чем-нибудь другом.

Остахан взялся за топор и продолжил колоть дрова. Марья неуверенно попятилась, развернулась, сделала три шага, обернулась, поглядела на работающего топором мужчину, улыбнулась, отвернулась и уверенным шагом пошла дальше хлопотать по двору.

К вечеру дровяник был почти полностью заполнен, а чурки закончились. Остахану хотелось помыться и он попросил Марью рассказать, как дойти до ручья. Она предложила растопить баню, но умаявшемуся от жары мужчине хотелось освежиться и он отказался и настоял на том, что пойдет на ручей. Собственно, так он и поступил.

Ручей был не далеко и нашелся быстро. Как оказалось, он был довольно широк и вполне заслуживал звания мелкой речушки. Чтобы окунуться целиком Остахану пришлось лечь в воду, так как глубина речушки была ненамного выше щиколотки. Прохладный поток приятно обволакивал и смывал всю усталость и весь пот. Вода была не так уж и холодна, а Остахан хорошо закален и потому он провалялся в воде сравнительно долго. В лесу, совсем рядом с ручьем, стал доноситься шелест листьев, хруст веток и голос Марьи: «Хан! Господин Хан! Где вы?».

-Я здесь! – было ей ответом.

Выйдя из-за кустов женщина увидела голого мужчину в воде, взвизгнула и отвернулась, встав к нему спиной.

-Хан... вас долго не было, я заволновалась.

Он совершенно не смутился и даже ничего не сказал. А Марья продолжила:

-Я... мы ужинать будем, кушанья уже готовы ждем вас.

-Хорошо – ответил он в этот раз – я еще немного поваляюсь и приду.

-Тогда я... мы ждем – сказала Марья и пошла обратно.

-Марья, подожди

Раздался всплеск, женщина невольно обернулась и сразу же отвернулась, увидев, что Остахан поднялся на ноги.

-Хочешь окунуться? Здесь здорово.

-Ах! Хан... ну что вы! - Марья смутилась и быстро проговорила - Ужин стынет, приходите скорее! - и побежала домой.

«И зачем только было приходиться» - подумал Остахан.

Потом был ужин, мазь для Танюры, отвар для Илко. Уложили детей спать. Сделали отвар для себя. Сели на лавку у крыльца. Остахан курил, Марья говорила и говорила. Сидели душевно. Мужчина предложил погулять, взял женщину под руку и вместе вышли они на лесную опушку.

Прогуливаясь Остахан напевал мелодию, Марья голосом ее подхватила - вместе они принялись танцевать. Сперва танцевали быстро, потом медленно и в обнимку. После завалились в траву и разглядывали звезды, болтая и отшучиваясь. Он поцеловал ее, а она застеснялась, вскочила на ноги и начала убегать, а он ее догонял. И оба смеялись как дети, не смотря на то, что третий десяток ее жизни близился к концу, а у него миновал уже четвертый. Но он поймал ее и попытался поцеловать еще раз. А она отстранилась и отвернулась, тогда он целовал ее нежную щеку, бархатную шею и милое ушко, ласково провел кончиками пальцев по лбу, по волосам, по щеке. Взяв ее подбородок повернул лицом к себе и пронзительно посмотрел в чарующие глаза. Она вдохнула и не могла выдохнуть, как будто разучилась дышать, закрыла глаза. Они поцеловались...

Было далеко за полночь, они обнаженные лежали на лужайке под открытым небом, подстелив под себя одежду. Любовались звездами и разговаривали, вернее разговаривала Марья а Остахан время от времени ей поддакивал. Он лежал на спине, одной рукой подперев голову, а вторую положив на ее бедро. Она лежала практически на нем, обняв его одной ногой, голову положила на плече, и пальцами игралась с волосами на груди. Они вместе получили то, чего им обоим давно не хватало и чувствовали то самое о чем мечтает каждый. Марья всецело отдалась этому чувству и забылась. Но Остахана терзали сомнения.

Зачем он сделал это? Зачем поддался порыву? Словно что-то одурманило его разум, и он ничего не мог с собой поделать, влюбил в себя Марью, взял ее ни мгновенья не сомневаясь. Но ведь он не любит ее. Она без сомнений затронула его сердце, он совершенно ясно осознает это когда смотрит в ее глаза, слышит смех, говорит с ней и касается ее. А ведь возможно, он даже полюбит ее, нужно лишь время. Только вот к чему это все? Он не собирался и не собирается жениться, не собирается оседать в деревне и тем более не собирается забирать ее и детей с собой. Он намерен продолжать странствие, а для этого придется ее бросить, что разобьет ей сердце. А это жестоко и подло.

А действительно ли она влюбилась? Он спас ее детей, вернее дочь, быть может ей захотелось его отблагодарить и она отблагодарила так как смогла. Почувствовала, поняла, чего он хочет и дала ему это. Но так еще хуже. Ради этого ли он старался? Ради этого ли помогал? Исцелял детей ради похоти или может ради ее любви - не все ли равно?

Марья запала ему в душу с первого взгляда, в этом он больше не сомневался. Он захотел ее, возможно даже влюбился, и из-за этого он заинтересовался ее несчастьем, из-за этого решил

помочь. Не приглянись ему Марья, он бы не обратил внимания на ее беды, как делал это не раз. Конечно он помогал многим, но силами одного человека не удастся и не получится спасти всех в мире, и он прекрасно осознавал это. И все же, сам для себя он никак не мог понять, что же им двигало в тот момент, когда он решил помочь в этот раз. Будто бы, своими добрыми намерениями он обманул всех, включая самого себя, чтобы заполучить желаемое, и теперь не заслуживает ни Марьиной награды, ни уважения к самому себе. Добряк ли он или подлец? Пускай для человека нормально искать для себя выгоду. Даже бескорыстный поступок скрывает в себе корысть в форме душевного благоденствия. И все же, разве он такой человек, который стал бы помогать лишь ради выгоды для себя?

Хочется верить, что он проявил сочувствие и протянул руку помощи, как человек высоких нравственных принципов, не желая для себя в награду ни Марииного тела, ни даже ее любви. Он ничего не требовал, но заполучил все. Чувствовал, что заполучил все, и благодаря этому, если смотреть правде в глаза, он чувствовал, что счастлив.

Остахан убрал руку из-под головы, взял Марьину ручку и поцеловал. Она посмотрела на него и заметила тревогу в лице.

-Хан, тебя что-то тревожит?

-Вовсе нет - ответил мужчина, улыбнулся ей и подумал - «Подлец, без сомнений. Добряк, а все же подлец» - он нежно поцеловал ее в губы - Прохладно становится, ты замерзнешь, давай вернемся в дом.

-Ох! А мне тут так хорошо, так легко и тепло. Чувство, что в твоих руках невозможно замерзнуть. Остаться бы здесь и сейчас вечность. Давай полежим еще немного.

-Я тоже не хочу уходить, задержимся, но не на долго.

Пока они валялись, Марья снова обратила внимание на шрамы на его запястьях, аккуратно вытянула свою ручку из-под его руки и провела по шраму пальцем.

-Хан, откуда они у тебя?

Остахан приподнял руку, покрутил предплечьем.

-Это расплата за самоуверенность. Неизведанное волшебство бывает опасным. Я лишился кистей рук, но мне посчастливилось сохранить жизнь.

-Ох! Но они же на месте и целы.

-Мне помогли друзья. В отличие от меня, они одаренные и очень талантливые волшебники. Смогли исцелить и восстановить мои руки - Остахан сжимал и разжимал ладонь, разминал пальцы - волшебство может все на свете.

-Оно же тебя и покалечило.

-Но и исцелило.

-А если бы ты умер, волшебство вернуло бы тебя к жизни?

-Возможно. Нет, скорее всего. Пока еще никто не научился этого делать - Остахан приподнялся на локти - пора возвращаться - он встал, помог встать Марье и вместе они стали

одеваться.

Проводив Марью домой, Остахан решил не ночевать у нее и возвратился в дом старосты. Это очень опечалило Марью. Она вовсе не была наивной и осознавала, что Хан – странствующий целитель и волшебник, загадочный мужчина, совершенно неожиданно появившийся в ее жизни, и может точно так же неожиданно исчезнуть. Уйдет, продолжит свое странствие, и будто бы и не было его некогда.

И все же ей очень хочется верить в чудо. Будто бы она оказалась в сказке, явился возлюбленный, которого она так долго ждала, вмиг разрешатся все беды и настанет счастье. Хочется верить.

Следующим утром, рано-рано, Остахан, ни мгновенья не спавший, явился в Марьин дом. От дома старосты он едва ли не бежал, но оказавшись у Марьи во дворе вдруг смутился, растерялся и натянул на лицо маску серьезности, сам не понимая почему.

Марья тоже не смыкала глаз этой ночью, но была необычайно бодрая. Она будила детей и готовила завтрак. Когда появился Остахан женщина невольно засияла как солнышко. А протерший глаза Илко зевая заметил:

-Мама, почему ты сегодня так нарядно одета?

За что и получил от смущенной матери небольшой нагоняй. Остахан очень хотел похвалить ее красоту, но долго не мог найти слов, а когда нашел, произнес их с такой напускной серьезностью, что лучше бы уж не произносил. Но девушке все равно было приятно.

Остахан осмотрел детей с помощью своего трезокулоса и был доволен. До выздоровления было еще далеко, но дети становились сильнее, а болезнь слабее.

Завтракали они все вместе. Марья много говорила и часто невпопад, сбиваясь с темы. Остахан же наоборот был угрюмо молчалив, не смотря на то, что многое хотел бы сказать. На выручку обоим пришли дети разбавляя общение забавными и по детски наивными вопросами или утверждениями, которые вызывали у Остахана тихие смешки. Благодаря этому оба взрослых расслабились и заговорили друг с другом «по-человечески».

После завтрака вышли во двор, ровно, как и вчера, с той лишь разницей, что Остахан помогал, а иногда скорее мешал, Марье в работе по двору при этом ведя нежную беседу.

Посещать остальных деревенских заболевших Остахану категорически не хотелось, но все же это стоило сделать и с огромным трудом оторвавшись от Марьи он ушел бродить по деревне. А возвратившись в послеобеденное время застал в доме только детей, которые рассказали, что мама ушла работать в поля и возвратится только к ночи. Проведя с детьми все целительские обряды он приказал им лежать и отдыхать, а сам устроился на лавочке. Курил и размышлял.

За всю свою жизнь он уже несколько раз лишался обычной жизни, простого быта и любимых женщин. Трижды сам и дважды за него этот выбор делала судьба. Но таков был жребий, который он сам для себя избрал. И пускай он труден и полон неудач и разочарований, Остахан сохраняет решимость следовать ему пока не добьется успеха или не встретит смерть.

Нужно продолжить путь, пока он еще не успел полюбить ее. И чем дольше откладывать тем тяжелее будет в итоге.

Когда Марья вернулась Остахан снова гулял с ней, снова они танцевали под звездами и смеялись. И тогда же он объяснился с ней, сказав: «Знай Марья, что разлука с тобой тяжким грузом ляжет на мое сердце, но все же я уйду, продолжаю странствие. И поступить иначе не могу». Марья горько плакала, а Остахан утешал. Он переночевал в ее хате, а на утро ушел, чтобы не вернуться.

«Любовь – это встреча и это расставание,

Ткань, что сплетается, разрывается и тает» [3]

Примечания:

1.Трезокулос (лат. Tres Oculos – тройной монокль) – прибор помогающий видеть волшебные явления.

2.«Алахай-Лахамай!» - Ахалай-Махалай, шутливое, ненастоящее заклинание.

3. Отрывок из стиха «Osorezan le voile» отсылающий к Аниме-сериалу и одноименной манге «Шаман Кинг».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/77551/2328068>